

силия III. Вместо умирающего человека здесь выступает государь, произносящий длинные прощальные речи, в которых он не забывает своих бояр: «Вы же, бояре мои, с вами Рускую землю держак, и вас во чти дрѣжах... и дети ваши жаловах, и во всех странах славен бых... приказываю вам княгиню и дети своя».⁵¹ Новой переделке подвергся рассказ в Летописце начала царства, созданном при участии видного сподвижника молодого царя Ивана IV — Алексея Адашева (1552). Похвалы боярам были опущены, зато сообщалось, что отец вручил малолетнему Ивану вместе с крестом и скипетром «венец царский и диядимы царские, ими же венчан царь Маномах».⁵² Изложение по-прежнему оставалось торжественно-официальным, лишённым каких-либо конкретных деталей. После падения Адашева оказалась негодной и та версия рассказа о смерти Василия III, которая содержалась в Летописце начала царства, — Никонская летопись заменила ее рассказом Воскресенской летописи.⁵³ Но и на этом эволюция рассказа о последних днях Василия не закончилась. Последняя летопись Ивана IV — «Царственная книга», замкнув круг, вернулась к подробному рассказу свода 1534 г. Предсмертные речи Василия III были здесь дополнены новыми политическими наставлениями, значительно расширено и упоминание о регалиях Мономаха, но восстановлены и конкретные детали первоначального рассказа (правда, значительно «облагороженные»: разговор Василия с врачом приобретал «философский» характер, Елена не «кричала», а «слезы от очюю, яко струю, испущаше» и т. д.).⁵⁴

Интерес «Царственной книги» к детальному описанию последних дней Василия III был не случаен. Начинаясь с рассказа о болезни отца Ивана IV, летопись эта кончалась другой весьма сходной сценой — описанием болезни самого Ивана в 1553 г., когда царь давал последние распоряжения боярам, требуя от них присяги своему малолетнему сыну. Сходство обоих рассказов (уже отмеченное исследователями)⁵⁵ едва ли объясняется только совпадением ситуаций; скорее можно думать, что автор рассказа о событиях 1553 г. сознательно следовал рассказу о событиях 1533 г. Не меньше, чем его предшественник, ценил он и выразительные детали. «Коли вы сыну моему, Дмитрию, креста не целуете, ино то у вас иной государь есть!» — кричал в этом рассказе больной царь упрямым боярам. «А вы, Захарьины, чего испужалися? — зывал он к родственникам царицы. — Али чаєте, бояре вас пощадят? Вы от бояр первыи мертвецы будете! И вы бы за сына моего да и за матерь его умерли, а жены моей на поругание боярам не дали!»⁵⁶

Чтобы оценить литературное значение конкретных деталей «Царственной книги», следует иметь в виду, что рассказ о событиях 1553 г. вовсе не был бесхитростной записью «с натуры». Рассказ этот был написан значительно позже описанных в нем событий с явной целью очертить фигурирующих в нем бояр (уже попавших к тому времени в опалу).⁵⁷ Очевидно, автор рассказа сознательно пользовался художест-

⁵¹ ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 285—286.

⁵² ПСРЛ, т. XXIX, М., 1965, стр. 9—10; ср.: ПСРЛ, т. XIII, М., 1965, стр. 75—79 (левая колонка).

⁵³ ПСРЛ, т. XIII, стр. 75—78 (правая колонка).

⁵⁴ Там же, стр. 409—420.

⁵⁵ И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х гг. XVI в. М.—Л., 1958, стр. 36.

⁵⁶ ПСРЛ, т. XIII, стр. 524—525.

⁵⁷ Ср.: Д. Н. Альшиц. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г.—ИЗ, т. 25, М., 1948, стр. 266—292. Возражения, высказанные Д. Н. Альшицу другими исследователями (И. И. Смирнов. Очерки